

Цзян Ехун не верил ни в богов, ни в демонов, но при одном упоминании о «Картина парящей небожительницы» по спине пробежал невольный холодок. От этого свитка разило чем-то зловещим и тёмным.

Чжао Чэнь, побледнев, шумно сглотнул и поспешно прижал к груди оберег.

— Я же говорил, чертовщина это! Убери её с глаз долой, скорее.

Он торопливо свернул холст, спрятал его в лакированную шкатулку и завалил сверху стопкой тяжёлых книг — словно боялся, что заточённая внутри нечисть вырвется на свободу.

Жун Жо тем временем перелистывал записи наставника Чжао Чэня.

— Брат Чу, взгляни сюда. Это заметки, сделанные со слов жителей деревни Девяти Семей. Здесь сказано, что воздушные змеи Лю Юаня выглядели как живые лишь потому, что его супруга была искусной художницей. Она расписывала их так искусно, что казалось, они вот-вот взлетят сами. Можно сказать, они были идеальной парой, и за каждое изделие Лю Юань выручал немалые деньги. Но здесь также отмечено, что за месяц до исчезновения трёх сестёр Гао супруги, всегда жившие душа в душу, сильно поссорились. Из-за этого у госпожи Лю даже случился выкидыш.

Цзян Ехун налил себе горячего чая, но ощущение липкого холода между лопаток никуда не исчезло.

— Из-за чего они повздорили?

Жун Жо перевернул страницу.

— Соседи слышали, как госпожа Лю осыпала мужа проклятиями. Кричала, что он подлец и бесстыдник, что он обманул её, связавшись с Ли Фугуем ради каких-то грязных дел, и что за это их ждёт кара. Правда, показания обрывочные, ясности мало.

Голова Цзян Ехуна всё ещё была тяжёлой, а мысли путались, превращаясь в сплошное месиво.

— Ладно, пустое. Вряд ли дела десятилетней давности сейчас имеют значение. Ступайте по домам, выспитесь хорошенько. Завтра к вечеру мы снова наведаемся в деревню Девяти Семей и разузнаем, какая гниль там затаилась.

— Добро, — кивнул Чжао Чэнь. — Пойду приготовлюсь. Вы тоже отдыхайте, а то денёк выдался — врагу не пожелаешь.

Вернувшись домой, Жун Жо принялся споро собирать вещи. Он работал ловко: раскладывал

одежду по стопкам, не забывая покормить петуха и чёрного пса. Трудолюбивый, внимательный, по дому всё умеет... «Такого бы в жёны взять...» — промелькнуло в голове у Цзян Ехуна. Он тут же хлопнул себя по лбу, прогоняя наваждение. Совсем разум помутился от хвори.

Горячая ванна немного сняла усталость. Выйдя в комнату, Цзян Ехун обнаружил, что Жун Жо уже выстирал его грязное платье и развесил сушиться. Цзян Ехун покраснел.

— Я бы и сам мог постирать, — пробормотал он, подходя к юноше.

Жун Жо замер, растерянно сжимая края одежды. Его руки покраснели от ледяной воды.

— Простите... Я просто увидел, что одежда испачкана... Не знал, что вам это будет неприятно...

Он виновато опустил длинные ресницы, готовый вот-вот расплакаться. Цзян Ехун, не выдержав, забрал у него мокрую ткань.

— На улице холод такой, а ты руки в воду суёшь. Дело не в том, нравится мне или нет, просто... просто я и сам в состоянии о себе позаботиться. Я же говорил, ты мне не слуга, нечего передо мной выслуживаться.

Жун Жо продолжал стоять с видом побитой собаки, печально хлопая ресницами.

— Я лишь хотел помочь. Готовить и стирать я умею, позвольте мне хотя бы это. Брат Чу, неужели вы думаете, что я не справлюсь?

— Да нет же! Просто... — Цзян Ехун потянул юношу за озябшую руку. Она была ледяной. — А ну, марш в комнату. Смотри, как замерз.

Он бесцеремонно затащил Жун Жо в дом и принялся вытирать его ладони сухим полотенцем.

— Не думай, что если молод, то всё нипочём. Застудишь суставы, потом всю жизнь мучиться будешь — то зазудит на холоде, то чирьи пойдут.

Жун Жо смотрел на него влажным, затуманенным взглядом. Цзян Ехун тут же выпустил его руку и неловко закашлялся.

— Не подумай ничего такого, я просто...

Жун Жо едва заметно улыбнулся.

— Спасибо, брат Чу. Давно обо мне никто так не заботился. Вы спасли мне жизнь, и я лишь хочу быть полезным. Буду осторожнее, обещаю. Но посмотрите на себя — волосы мокрые, так и лихорадку усилить недолго.

Юноша взял из его рук полотенце.

— Давайте я помогу.

Цзян Ехун покраснел до самых корней волос. Он неуклюже отвернулся.

— Да я... я сам.

Жун Жо посмотрел на него с таким невинным и обиженным выражением, что Цзян Ехун сдался.

— Ох, ладно. Хочешь — вытирай.

Тот просиял. Цзян Ехун не понимал, чему тут радоваться, но, видя восторг на лице Жун Жо, спорить не стал. «Наверное, бедняга просто хочет отплатить добром за добро», — решил он.

Жун Жо мягко перебирал его длинные пряди, промакивая их тканью. Сердце Цзян Ехуна почему-то пустилось вскачь, а в груди стало тесно. «Точно переутомился, — подумал он. — Надо бы к лекарю зайти».

— Брат Чу, как думаешь, убийца — это кто-то из тех, с кем они враждовали? Или, может, кто-то из семьи Гао? — тихо спросил Жун Жо.

Цзян Ехун невольно сжал кулаки.

— Вражда тут замешана наверняка, иначе зачем убивать с такой изошрённой жестокостью? Но почему ты думаешь на Гао?

— Когда исчезли те три сестры, наставник Чжао Чэня подозревал Ли Фугуя, Лу Чана и Лю Юаня. Гао Цзылинь тогда чуть не разнёс их дома. А потом случился пожар, и вся семья Гао погибла. Мне кажется, здесь есть связь. Ненависть не рождается на пустом месте.

— Прошло десять лет. Улики давно превратились в прах, распутать это будет непросто, — вздохнул Цзян Ехун.

Жун Жо продолжал методично сушить его волосы.

— В записях наставника есть ещё одна странность. У Гао Цзылиня была бесценная семейная реликвия — нефритовый цилинь. После пожара среди пепла его так и не нашли.

— Хочешь сказать, кто-то пустил красного петуха в поместье Гао, чтобы завладеть драгоценностью?

— Вполне возможно. В записях сказано, что гибель всей семьи не была похожа на несчастный случай. Жаль только, время замело следы.

— Вернёмся в деревню — поспрашиваем. Кто-нибудь да проговорится. Кстати, тот безумец Гао Ли, что ошивался под окнами... Он ведь постоянно отирается в руинах усадьбы Гао, может, он что видел.

Жун Жо отложил полотенце.

— Будем надеяться. Ложитесь отдыхать, брат Чу. И не забудьте про лекарство.

При одном упоминании о микстуре у Цзян Ехуна во рту стало горько.

— Да мне уже лучше, может, не надо?

Жун Жо посмотрел на него кротко, но твёрдо:

— Нельзя. Лекарь велел пить вовремя, даже если хворь отступила.

— Ладно-ладно, выпью.

Ночью сон не шёл. Цзян Ехун ворочался, закрывал глаза, открывал их снова. Всё происходящее казалось дурным сновидением. Кто бы мог подумать, что, подавившись грешным орехом, он очнётся в этом теле, да ещё и выкупит из борделя мужчину? Он-то умер нелепо, а Император-шаман У Чаннин и вовсе сгинул, решив полюбоваться луной и поймав молнию. «Поделом ему, — зло подумал Цзян Ехун. — Хотя, если честно, и я хорош: зачем было слать ему вызов?» В итоге оба оказались в сырой земле.

Вспомнив о двух храмах, он снова почувствовал раздражение. Сон окончательно покинул его. Поднявшись с постели, он заметил, что в комнате Жун Жо всё ещё теплится свет. «Что он там делает в такой час?»

Цзян Ехун подошёл к дверям. Те были прикрыты неплотно, осталась узкая щель. Он заглянул внутрь. Жун Жо сидел перед зеркалом. «Посреди ночи любоваться на себя? Жуть какая».

Со спины Жун Жо выглядел безупречно: длинные волосы рассыпаны по плечам, тонкий силуэт... Но что-то в его позе было неправильным. Он сидел неподвижно, словно изваяние. Цзян Ехун чуть подался в сторону, чтобы увидеть отражение.

Жун Жо в зеркале выглядел мертвенно-холодным. Совсем не тот юноша, которого он знал. Взгляд был ледящим душу. И самое невероятное... его глаза сияли пурпуром.

Вдруг Жун Жо резко обернулся. Он полоснул его взглядом, как острой сталью. Цзян Ехун затылком почувал исходящую от него жажду крови — то самое чувство, которое он, будучи мастером, узнал бы из тысячи. Стук! Дверь распахнулась от порыва ветра. Цзян Ехун повалился на пол. Жун Жо в одно мгновение оказался рядом, его волосы взметнулись, лицо осталось прежним, но внутри... внутри словно притаилось иное существо.

Цзян Ехун впился взглядом в эти пурпурные глаза, и в тот же миг мир поглотила тьма.

Он вскрикнул и проснулся. Спина была мокрой от пота. Он коснулся лба — влажный. «Неужели сон?» Всё казалось слишком реальным. Снаружи донеслось пение петуха. Цзян Ехун снова рухнул на подушки, натянув одеяло до подбородка. «Надо же, привидится же такое... Едва рассвело, посплю ещё немного».

Он прокручивал видение в голове. Пурпурные глаза, мгновенное перемещение... «Оборотень он, что ли?» Голова шла кругом. Точно, всё из-за этой чертовщины: загадочная картина, проклятая деревня...

Цзян Ехун забылся сном, но его снова вырвал из забытья лай чёрного пса.

— В доме покойник завёлся, что ли? Чего ты разрываешься? — вскинулся он в ярости.

Выглянув во двор, он увидел незнакомых людей.

— Вы ещё кто такие?

Прибежал Жун Жо, запыхавшийся и встревоженный.

— Это слуги из дома Лу. Они пришли за «Картиной парящей небожительницы». Госпожа Лу сказала, что Лу Чан очень любил этот свиток, и она хочет, чтобы картина сопровождала его на родину для погребения.

Цзян Ехун смерил незваных гостей тяжёлым взглядом.

— Сейчас нельзя. Картина — главная улика в трёх убийствах. Пока преступник не пойман, я её не отдам.

— Вы не поняли, — вмешался Жун Жо. — Госпожа Лу лишь хочет, чтобы картина была рядом с ним в пути. Она не собирается хоронить её вместе с телом.

Цзян Ехун, чья голова всё ещё раскалывалась, страдальчески прижал ладонь ко лбу.

— Чёрт с вами... Отдай им. Только дайте мне поспать в конце концов!

<http://bllate.org/book/17428/1657518>